

Р1

ТБЗ

ТФ

Л. Н. Толстой.

I.

Николай Палкинъ.

II.

дѣ въ войны.

№ 12.

Книгоиздательство «ОБНОВЛЕНИЕ».

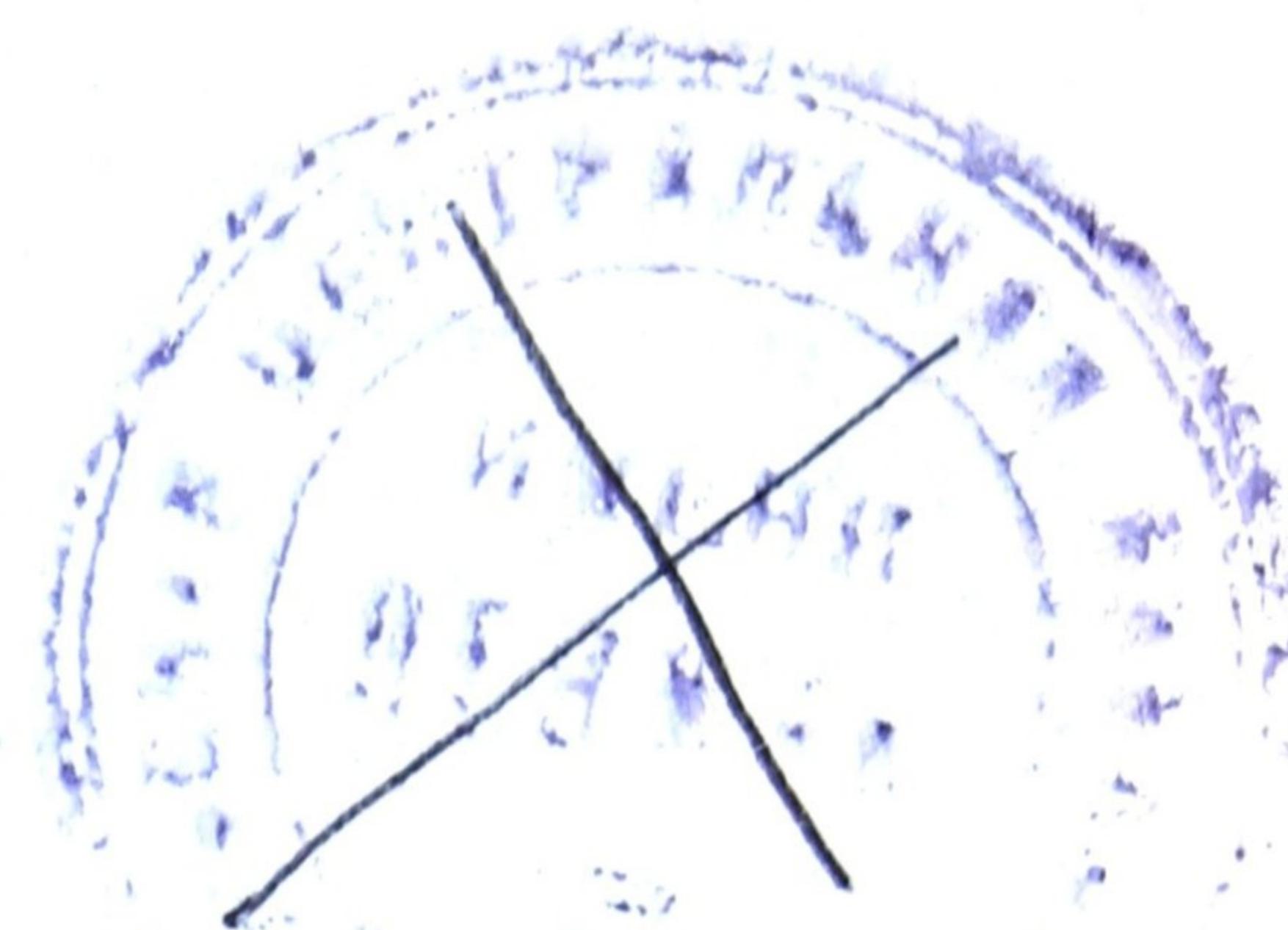
1906.

**ВОЗВРАТИТЕ МИНИГУ НЕ ПОЗДНЕЕ
обозначенного здесь срока**

$\widehat{b}^T \mathbf{r} - 1 \leq 0$

This image shows a blank, lined ledger page. The page is organized into four columns by vertical lines and has horizontal lines for entries. At the top center, there is handwritten text: "6P-1 TOP". The paper has a light brown or tan color with a visible fibrous texture.

Библиотека
Городской Университета
г. Тула

Николай Палкинъ.

(Изъ записной книжки).

Мы ночевали у 95-ти лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что, дѣдушка, умереть хочешь?

— Умереть? Еще какъ хочу! Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ бы Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ! Тогда развѣ такая служба была, какъ нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили,—милостивый былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 человѣкъ 20 забивали на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ назывался милостивымъ!

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить,—сказалъ старикъ и тотчасъ же оживился и началъ рассказывать:

— Тогда что было? Тогда на 50 розогъ и портакъ не снимали, 150, 200, 300... на смерть запарывали!

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ, и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужь палками—недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче уже и не знаютъ, что такое палка, а тогда это словечко со рта не сходило. «Палки, палки!»

У насть и солдаты Николая «Палкінымъ» прозвали. Николай Павловичъ—а они говорять Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище. Такъ вотъ какъ вспомнишь про то время,—продолжалъ старикъ, да вѣкъ-то отжилъ, помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ.

Много грѣховъ на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ взынать 150 палокъ за солдата (старикъ былъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ, а теперь кандидатомъ), а ты ему 200. У тебя не заживеть отъ того, а ты его мучаешь—вотъ и грѣхъ.

Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свинетъ въ какое мѣсто нужно,—въ грудь или въ голову,—онъ и помереть. И никогда взыску не было. Помереть отъ убоя, а начальство пишетъ: «властію Божію помре».—И крышка! А тогда развѣ понималъ это? Только о себѣ думаешь. А теперь, вотъ, ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все думается, все представляется; хорошо какъ успѣшь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасъ береть. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да что отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо: хуже ада вся-каго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку, и мнѣ вчужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кроме палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняниѳ на смерть сквозь строй, про разстрѣливаніе, про убийство и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ спрашивать его про то. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ рассказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами со шпицрутенскими палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: «бей больнѣй!»

— «Бей больной!»—прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно, не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески начальническій тонъ.

Онъ рассказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ рассказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаетъ и брыжжетъ кровь, какъ летить ключьями окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный, потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ застихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ, ощупываетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ: можно-ли еще бить человѣка, не убивъ до смерти, или надо подождать и отложить до другого раза, когда заживеть, чтобы можно было начать мученіе снова и добить то количество ударовъ, которое какие-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что ему надо дать. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Какъ его, когда онъ не можетъ больше ходить, кладутъ на шинели ничкомъ и, съ кровяной подушкой во всю спину, несутъ въ госпиталь вылечивать, съ тѣмъ, чтобы когда онъ вылечится, додать ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыхъ онъ не дополучилъ и не вынесъ сразу. Рассказывалъ, какъ они просятъ смерти, и имъ не даютъ ее сразу, а вылечиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живеть и мечется въ госпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыхъ доведутъ его до смерти. И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваются до смерти. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ изъ полка, или имѣетъ мужество, смѣлость и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищѣй на то, что ихъ дурно кормятъ и начальство крадетъ ихъ паекъ.

Онъ рассказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этихъ воспоминаніяхъ, онъ сначала удивился, а потомъ испугался.

— Нѣтъ,—говорить,—это что-жь, это—по суду. Въ этомъ я развѣ причиненъ? Это по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ много видѣлъ и въ Турціи, и въ Польшѣ.

Онъ рассказалъ сбъ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ пленныхъ, объ убийствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву. И когда я спросилъ его, не мучаетъ ли его совѣсть за эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это—на войнѣ, по закону, за царя и отчество. Это дѣла не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. Мучаются его только личныя дѣла, когда онъ, будучи начальникомъ, билъ и наказывалъ людей. Эти дѣла мучаются его совѣсть; но для очищенія себя отъ нихъ у него есть спасеніе, это—причастіе, которое онъ надѣется, что успѣеть принять передъ смертью и о чомъ онъ просилъ племянницу. Племянница обѣщаетъ, понимая важность этого, и онъ спокоенъ.

То, что онъ разорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женшинъ и убивалъ людей пулево и штыкомъ, то, что самъ засѣкалъ, стоя въ строю, на смерть людей и таскалъ ихъ въ госпиталь и опять назадъ на мученіе,—это все не мучаетъ его: это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Что было бы съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ ясно должно было бы быть ему, стоящему на порогѣ смерти,—что между нимъ, его совѣстью и Богомъ, какъ теперь, наканунѣ смерти,—нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучить и убивать его людей? Что бы съ нимъ было, если бы онъ теперь понялъ, что нѣтъ ничего, искупляющаго то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ, когда онъ могъ не дѣлать его? Если бы онъ понялъ, что есть одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать, законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ, былъ мерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ бы поддаваться? Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ безсонные ночи на печѣ и каково было бы его отчаяніе, если

бы онъ понялъ то, что, когда онъ имѣлъ силу дѣлать добро и зло людямъ, онъ дѣлалъ одно зло; что, когда онъ понялъ, въ чёмъ зло и въ чёмъ добро, онъ уже ничего не можетъ дѣлать, какъ только бесполезно мучиться и каяться? Мученія его были бы ужасны!

— Такъ зачѣмъ же и желать мучить его? Зачѣмъ мучить совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее! Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло!

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что мы боимся назвать по имени? Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только оттого, что мы говоримъ, что она прошла? Она не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излечить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилия наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ея.

А болѣзнь не проходитъ, а только видоизмѣняется, вѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости. Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, освѣщенные христианской истиной, люди, со вложенными въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ—люди надъ людьми—ужасающія жестокости, сами не зная, зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди, кроткіе, добрые, проникнутые духомъ учения Христа, люди, кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ,—эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убийствѣ и мучительствѣ своихъ братій, и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью, или, по крайней мѣрѣ, необходимости, такою же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждого дѣлать все, что онъ можетъ, для исцѣленія ея, и первое,—главное—указать на нее, признать, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убийствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виновнымъ и тѣ страшныя дѣла—палка, сквозь строй и другія—прошли уже; зачѣмъ поминать старое: теперь уже этого пѣть больше.

Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ помянуль передъ смертью. Зачѣмъ раздражать народъ?

Такъ же говорили при Николаѣ про Александра. То же говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину и всѣ ужасы ея распутства и самодурства ея любовниковъ. Такъ же при Екатеринѣ говорили про Петра и т. д. и т. д. Зачѣмъ про это вспоминать?

Какъ зачѣмъ вспоминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная, трудно излечимая, и я избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все тяжело болѣю, и еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. Только тогда я не буду поминать. И мы не поминаемъ только оттого, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй—все это давно уже прошло.—Прошло? Измѣнило форму, но не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что мы вспоминаемъ не только съ ужасомъ, но съ негодованіемъ. Мы читаемъ описанія правежей, сжиганій за ереси, пытокъ, военныхъ поселеній, палокъ и гоняній сквозь строй, и не только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить даже душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ, и проводилъ за этимъ занятіемъ свои обычные пять часовъ, какъ теперешній чиновникъ въ сенатѣ; ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ... я зналъ одного такого, который наканунѣ съ красавицей танцевалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата-татарина, засѣкалъ этого человѣка и возвращался обѣдать въ семью? Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое не было бы тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыхъ мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять

ТОГО, какъ могли люди не видѣть тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видѣть, если ужъ не звѣрской безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то безсмысленности ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенно счастливое, что у насъ нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ?— Такія же дѣла, такие же ужасы есть, мы только не видимъ ихъ, какъ не видѣли ужаса своихъ ужасовъ наши предки. Намъ ясны теперь не только жестокость, но и безсмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ безсмысленность этого. Но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки— необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. То же съ палками, съ рабствомъ. И прошло время, и намъ трудно представить себѣ то состояніе людей, прикоторомъ возможно было такое грубое заблужденіе. Но это было во всѣ времена, поэтому должно быть и въ наше время, и мы должны быть также ослѣплены на счетъ нашихъ ужасовъ.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это оттого, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Но если мы взглянемся въ прошедшее, намъ откроется и наше настоящее положеніе, и причины его. Если мы только назовемъ настоящимъ именемъ костры, клейма, пытки, плахи, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общею воинскою повинностью, прокуроровъ и жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? А посмотримъ внимательно на то, что дѣгалось прежде, то мы поймемъ и увидимъ то, что дѣляется теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то такъ же ясно станетъ и то, что такъ-же, если еще не болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать ихъ въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти, и узнавать правду черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станетъ и то, что

еще нелѣпѣ сажать такого человѣка въ острогъ, чтобы развратить его совсѣмъ; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21-ногого лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока опричнина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардіи и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое? намъ ясно станетъ, что въ наше время есть точно такие же ужасы, только въ новыхъ формахъ.

Мы говоримъ: все это прошло; прошло и теперь уже нѣть пытокъ, блудницъ-Екатеринъ съ ихъ полновластными любовниками, нѣть рабства, нѣть забиваній на смерть палками и др.— Но вѣдь это только такъ кажется! Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держать въ вертепахъ разврата, острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрите-лямъ, полновластнымъ хозяевамъ этихъ рабовъ, на что-нибудь нужно это жестокое, безмысленное заключеніе.

Десятки тысячъ людей съ «вредными идеями» въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальние углы Россіи, сходять съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и, или убиваются тайно начальниками тюремъ, или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнутъ физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отпраются отъ семей, отъ молодыхъ женъ, пріучаются къ убийству и систематически развращаются.

Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная изъ сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленныхъ по дорогѣ, и тайная цѣпь, слѣдящая за нимъ повсюду.

Король собираетъ подати и строить башню, а на башнѣ дѣлаетъ прудъ и въ пруду, выкрашенномъ синей краской и съ машиной, дѣлающей подобіе бури, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Белгіи.

Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что и въ наше время все то же, — что и наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ такъ же удивительны по своей жестокости и нелѣпости. Болѣзнь все та же, и болѣзнь не тѣхъ, которые пользуются этими ужасами. Пускай бы они пользовались въ 100 и въ 1000 разъ больше. Пускай устраивали бы башни, театры, балы, обирали бы народъ, пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай Побѣдоносцевъ съ Оршевскимъ вѣшли бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, только бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ старого солдата.

Ужасная болѣзнь. Болѣзнь эта въ обманѣ, въ томъ, что для человѣка можетъ быть какая-нибудь святыня и какой-нибудь законъ выше святыни и закона любви къ ближнему;— въ обманѣ, скрывающемъ то, что человѣкъ, во исполненіе требованія другихъ людей, можетъ дѣлать много поступковъ, только одного рода поступковъ онъ никогда, какъ человѣкъ, не можетъ дѣлать: не можетъ ни по чьему требованію идти противъ воли Бога—убивать и мучить своихъ братьевъ.

1800 лѣтъ назадъ на вопросъ фарисеевъ, давать ли подать Кесарю, сказано: «Кесарево—Кесарю, а Божie—Богови». Если бы была какая-нибудь вѣра у людей, и они хоть что-нибудь считали бы должнымъ Богу, то прежде всего они сочли бы должностимъ Богу то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: «не убий», сказавъ: «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали», сказавъ: «люби ближняго какъ самого себя», но что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣ каждого человѣка — любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужасъ предъ убийствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ нему: не мучить, не убивать. И тогда слова: «Божie—Богови, Кесарево—Кесарю» имѣли бы для нихъ ясное, опредѣленное значеніе: «царю или кому еще,—все что хочешь», сказалъ бы вѣрующій человѣкъ, «но не то, что противно волѣ Бога. Нужны Кесарю мои деньги — бери; мой домъ, мои труды — бери; мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь—бери; все это не Божie. Но, нужно Кесарю, чтобы

я поднялъ и опустилъ пруть на спину ближняго, это—Божіе. Мой поступокъ это—моя жизнь, то, въ чемъ я отдамъ отчетъ Богу, и Богъ не велѣлъ мнѣ дѣлать этого, и этого я не могу отдать Кесарю. Не могу связать, запереть, гнать, убивать человѣка: все это—моя жизнь, а она Божья, и я не могу отдавать ее никому, кроме Бога».

Слова: Божіе—Богови для насть означаютъ то, чтобы Богу отдавать копеечныя свѣчи, молебны, слова — вообще все, что никому ни на что не нужно, тѣмъ болѣе Богу; а все остальнос: всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдаемъ Кесарю, т. е. (по значенію для Гудеевъ слова «Кесарю») чужому тебѣ, ненавистному человѣку.

Вѣдь это ужасно! Опомнитесь, люди!!

1886 г.

Л. Н. Толстой.

ДВЪ ВОЙНЫ.

Въ христіанскомъ мірѣ идуть въ настоящее время двѣ войны. Правда, одна уже кончилась, другая еще не кончилась, но шли онѣ обѣ въ одно и то же время и противоположность между ними была поразительна. Одна, теперь уже кончившаяся, была старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая война,—испанско-американская, которая убійствомъ однихъ людей рѣшала вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ должны управляться другие люди. Другая война, продолжающаяся еще теперь и имѣющая кончиться только тогда, когда кончатся всѣ войны,—это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разумѣ, святая война,—война противъ войны, которую уже давно, (какъ это выразилъ В. Гюго на одномъ изъ конгрессовъ), объявила лучшая, передовая часть христіанского человѣчества другой, грубой и дикой части этого же человѣчества, и которую съ особенной силой и успѣхомъ ведетъ въ послѣднее время горсть людей—христіанъ, кавказскихъ духоборовъ противъ могущественного русскаго правительства.

Я на дняхъ получилъ письмо изъ Колорадо отъ какого-то господина Джесси Глодвина, который просить меня прислать ему: «... нѣсколько словъ или мыслей, выражаютихъ мои чувства, по отношенію благороднаго дѣла американской націи и

героизма ея солдатъ и моряковъ». Господинъ этотъ, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ американского народа, вполнѣ увѣренъ, что дѣло американцевъ, состоящее въ томъ, что они побили нѣсколько тысячъ почти безоружныхъ (въ сравненіи съ вооруженіемъ американцевъ, испанцы были почти безоружны) людей,—есть несомнѣнно благородное дѣло, noble work, и что тѣ люди, которые, побивъ большое количество своихъ близкихъ, большую частью остались живы и здоровы и устроили себѣ выгодное положеніе,—герои.

Испано-американская война, не говоря о тѣхъ ужасахъ, которые совершили испанцы на Кубѣ, и которые послужили предлогомъ войны, сама испанско-американская война похожа вотъ на что:

Выжившій изъ силъ и ума старикъ, воспитанный въ преданіяхъ ложной чести, вызывается для разрѣшенія возникшаго между нимъ и молодымъ человѣкомъ недоразумѣнія, на кулачный бой этого молодого, находящагося въполнѣ обладаніи своихъ силъ человѣка; и молодой человѣкъ по своему прошедшему, по тому, что онъ не разъ самъ высказывалъ, долженствующій стоять неизмѣримо выше такого рѣшенія вопроса, принимаетъ вызовъ съ зажатымъ кастетомъ въ кулакѣ, набрасывается на выжившаго изъ ума и силъ старика, избиваетъ ему зубы, ломаетъ ребра и потомъ съ восторгомъ разсказываетъ свои подвиги огромной публикѣ такихъ же молодыхъ людей, которая радуется и хвалить героя, изувѣчившаго старика.

Такова одна война, занимавшая всѣ умы христіанскаго міра. Про другую войну никто не говоритъ; про нее почти никто и не знаетъ. Другая война—это вотъ какая:

Всѣ государства, обманывая людей, говорятъ: вы всѣ, управляемые мною, находитесь въ опасности быть завоеванными другими народами, я блісду ваше благополучіе и безопасность и потому требую, чтобы вы отдавали мнѣ ежегодно миллионы рублей, плоды вашихъ трудовъ, которые я буду употреблять на ружья, пушки, порохъ, корабли... для вашей защиты, кроме того требую, чтобы и сами вы шли въ устроенные мною организаціи, гдѣ изъ васъ будутъ дѣлать неразумныя частицы одной огромной машины—арміи, управляемой мною. Находясь въ этой арміи, вы перестанете быть людьми и имѣть свою волю, а будете дѣлать все, что я хочу. Хочу же я прежде всего

властвовать; средство же для властованиі, употребляемое мною, есть убийство, и потому я буду обучать вась убийству.

И не смотря на очевидную нелѣпость утверждениія того, что люди находятся въ опасности отъ нападенія правительствъ другихъ государствъ, которые утверждаютъ, что они, несмотря на все желаніе мира, находятся въ той же опасности, несмотря на унизительность того рабства, которому люди подвергаются, поступая въ армію, несмотря на жестокость того дѣла, къ которому они призываются, люди поддаются обману, отдаютъ свои деньги на свое же порабощеніе и сами порабощаютъ другъ друга.

И вотъ являются люди, которые говорятъ:

То, что вы говорите объ угрожающей намъ опасности и о вашей заботѣ предохранить насть отъ нея, есть обманъ. Государства всѣ увѣряютъ, что хотятъ мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вооружаются другъ противъ друга. Кроме того по тому закону, который вы признаете,—всѣ люди братья и нѣтъ никакой разницы принадлежать тому или иному государству, а потому и нападеніе на насть другихъ государствъ, которыми вы насть пугаете, для насть не страшно и не имѣть никакого значенія. Главное же—то, что по тому закону, который намъ данъ Богомъ, и который признаете и вы, требующіе отъ насть участія въ убийствѣ, явно запрещено не только убийство, но и всякое насилие, и потому мы не можемъ и не будемъ участвовать въ вашихъ приготовленіяхъ къ убийствамъ, не будемъ давать на это денегъ и не пойдемъ въ ваши устроенные сбираща, гдѣ извращаютъ разумъ и совѣсть людей, превращая ихъ въ орудія насилия, покорныя всякому злому человѣку, взявшему въ руки это орудіе.

Въ этомъ состоить другая война, давно уже ведомая лучшими людьми міра съ представителями грубой силы, и въ послѣднее время разгорѣвшаяся съ особиной силой между духоборами и русскимъ государствомъ. Русское государство выставило противъ духоборовъ всѣ тѣ орудія, которыми оно можетъ бороться. Орудія эти: полицейскія мѣры арестовъ, непозволенія выѣзда изъ мѣста жительства, запрещеніе общенія другъ съ другомъ, перехватываніе писемъ, шпіонство, запрещеніе печатанія въ газетахъ свѣдѣній о всемъ, касающемся духоборовъ, клевета на нихъ, печатаемая въ журналахъ, под-

купы, съченія, тюрьмы, ссылки, разореніе семей. Духоборы же съ своей стороны выставили свое единственное религіозное орудіе: кроткую разумность и терпѣливую твердость и говорять: не должно повиноваться людямъ больше чѣмъ Богу, и что бы вы съ нами ни дѣлали, мы не можемъ и не будемъ повиноваться вамъ.

Восхваляютъ испанскихъ и американскихъ героевъ той дикой войны, которые, желая отличиться передъ людьми, получить награду и славу, убили очень много людей, или сами умерли въ процессѣ убийства своихъ близкихъ. Но никто не говоритъ и не знаетъ даже про тѣхъ героевъ войны противъ войны, которые ниѣмъ не видимы и не слышимы, умирали и умираютъ подъ розгами или въ воюющихъ карцерахъ, или въ тяжеломъ изгнаніи, и все-таки до послѣдняго изыханія остаются вѣрными добру и истинѣ.

Я знаю десятки этихъ мучениковъ уже умершихъ и сотни такихъ же, которые, разбросанные по всему миру, продолжаютъ это мученическое исповѣданіе истины.

Я знаю Дрожжина, учителя крестьянина, который до смерти былъ замученъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, знаю другого—Изюмченко, товарища Дрожжина, выдержанного въ дисциплинарномъ баталіонѣ и потомъ сосланного на край свѣта, знаю Ольховика, крестьянина, отказавшагося отъ военной службы, за это приговоренного въ дисциплинарный батальонъ и на параходѣ обратившаго конвойного солдата Середу. Середа, понявъ то, что сказалъ Ольховикъ о грѣхѣ военной службы, пришелъ къ начальству и сказалъ, какъ говорили это древніе мученики: «Не хочу быть съ мучителями, присоедините меня къ мученикамъ», и его стали мучить, послали въ дисциплинарный батальонъ, а потомъ въ Якутскую область. Знаю я десятки духоборовъ, изъ которыхъ многіе умерли, ослѣпли и все таки не покоряются требованіямъ, противнымъ закону Бога.

На дняхъ я читалъ письмо о молодомъ духоборѣ, который одинъ безъ товарищѣй посланъ въ полкъ, стоящій въ Самарканѣ. Опять тѣ же требования со стороны начальства, и тѣ же простые, неотразимые отвѣты: «Не могу дѣлать того, что противно моей вѣрѣ въ Бога».—«Мы тебя замучаемъ».—«Это ваше дѣло. Вы дѣлайте свое, а я буду дѣлать свое».

И этот двадцатилетний мальчикъ, заброшенный одинъ въ чужой край, среди враждебныхъ ему людей,—сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ, направляющихъ всѣ свои силы на то, чтобы покорить его, не покоряется и дѣлаетъ свое великое дѣло.

Говорять: «Это напрасныя жертвы.—Люди эти погибнутъ, а устройство жизни остается то же». Также, я думаю, говорили люди и о напрасности жертвы Христа, да и всѣхъ мучениковъ за истину. Люди нашего времени, особенно ученые, такъ огрубѣли, что не понимаютъ, не могутъ даже по грубоости своей понимать значенія и дѣйствія духовной силы. Зарядъ въ 250 пудовъ динамита, пущенный въ толпу живыхъ людей—это они понимаютъ и видятъ въ этомъ силу; но мысль, истина, получившая осуществленіе, проведенная въ жизни до мученичества, ставшая доступной миллионамъ,—это по ихъ понятію—не сила, потому что она не трещитъ и не видно сломанныхъ костей и лужъ крови. Ученые (правда—плохіе ученые) всѣ силы эрудиціи употребляютъ на то, чтобы доказать, что человѣчество живеть какъ стадо, руководимое только экономическими условіями, и что разумъ данъ ему только для забавы; но правительства знаютъ, что движетъ міромъ, и потому безошибочно по инстинкту самосохраненія ревнивѣ всего относятся къ проявленію духовныхъ силъ, отъ которыхъ зависить ихъ существованіе или погибель. Оттого то всѣ силы русского правительства были направлены и еще направлены на то, чтобы обезвредить духоборовъ, изолировать ихъ, выслать ихъ за границу.

Но, не смотря на всѣ усилия, борьба духоборовъ открыла глаза миллионамъ.

Я знаю сотни людей старыхъ и молодыхъ военныхъ, которые, благодаря гоненіямъ противъ кроткихъ, трудолюбивыхъ духоборъ, усумнились въ законности своей дѣятельности, знаю людей, которые въ первый разъ задумались надъ жизнью и значеніемъ христіанства, увидавъ или услыхавъ про жизнь этихъ людей, про гоненія, которымъ они подверглись.

И правительство, управляющее миллионами людей, знать это и чувствовать, что оно поражено въ самое сердце.

Такова другая война, ведущаяся въ наше время, и таковы послѣдствія ея. И послѣдствія ея важны не для одного рус-

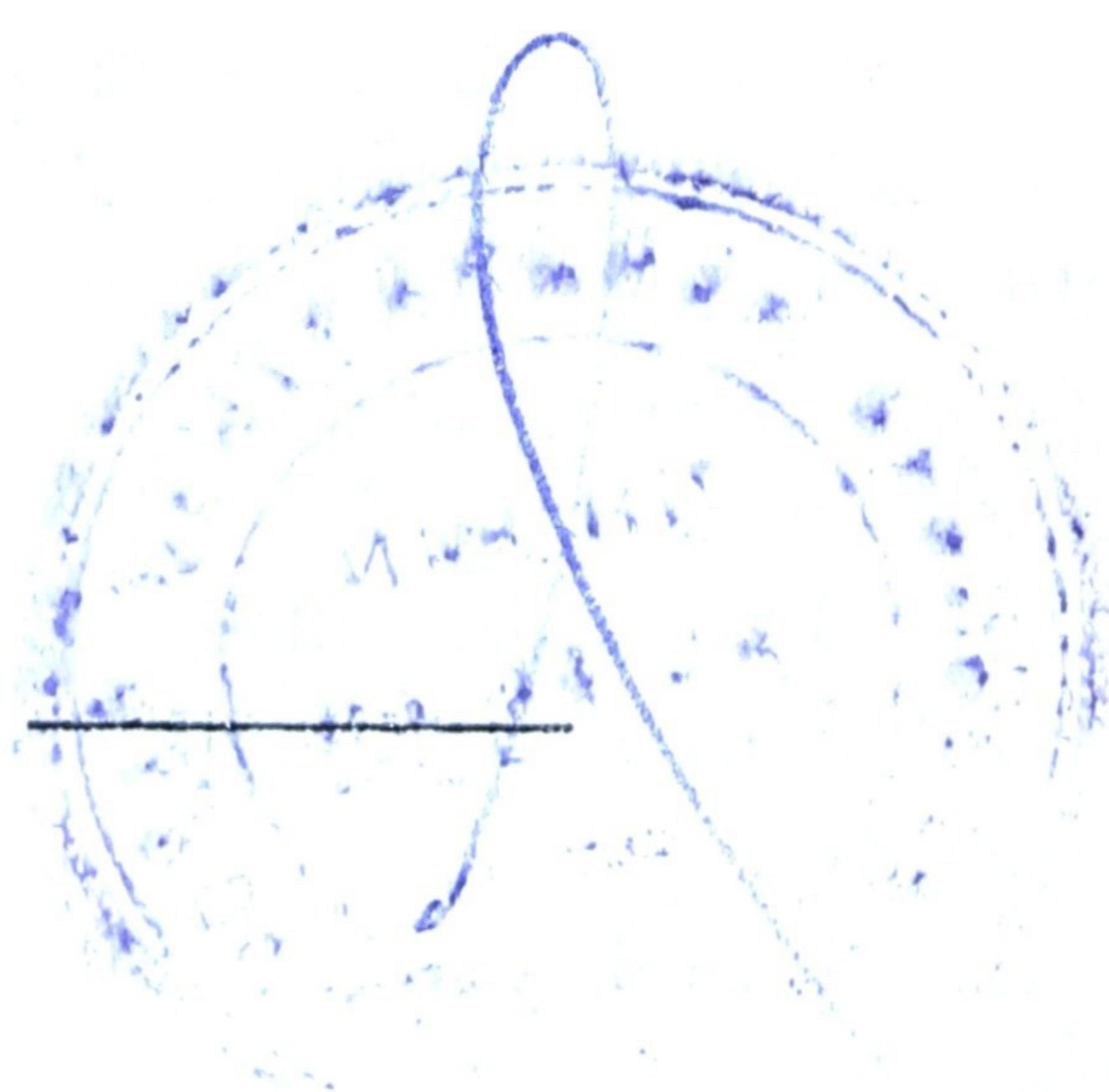
скаго правительства. Всякое правительство, основанное на войсѣ и на насилии, точно также поражено этимъ оружіемъ. Христосъ сказалъ: «Я побѣдилъ міръ». И онъ дѣйствительно побѣдилъ міръ, если только люди повѣрять въ силу даннаго имъ этого оружія.

Оружіе это есть слѣдованіе каждымъ человѣкомъ своему разуму и своей совѣсти.

Вѣдь это такъ просто, такъ несомнѣнно и обязательно для каждого человѣка.—«Вы хотите сдѣлать меня участникомъ убійства. Вы требуете отъ меня денегъ для приготовленія орудія убійства и хотите, чтобы я самъ участвовалъ въ организованномъ сборищѣ убійцъ,» —говорить разумный человѣкъ, не продавшій и не затемнившій свою совѣсть. «Но я исповѣдую тотъ самый законъ, который исповѣдуете и вы и въ которомъ давнымъ давно запрещено не только убійство, но и всякая вражда, и потому не могу повиноваться вамъ».

И вотъ это то средство, и такое простое, одно и побѣждаетъ міръ.

Ясная Поляна
15 августа 1898 г.

1-29

08-

Издание книгоиздательства „ОБНОВЛЕНИЕ“.

1. Л. Н. Толстой. I. «Обращение къ духовенству».	
II. «О религіозномъ воспитаніи»	5 к.
2. Его-же. «Письмо къ либераламъ»	3 »
3. Его-же. «Отвѣтъ синоду»	3 »
4. Его-же. «Патріотизмъ и правительство»	5 »
5. Его-же. «Къ политическимъ дѣятелямъ».	
II. «Письмо»	5 »
6. Его-же. I. «Приближеніе конца». II. «Письмо къ шведамъ». III. «Корѣагенъ долженъ быть разрушенъ». Приложеніе письма крестьянина П. В. Ольховика	8 »
7. Его-же. «Конецъ вѣка»	7 »
8. Его-же. «Церковь и государство»	5 »
9. Его-же. «Одумайтесь»	7 »
10. Его-же. Какъ освободиться рабочему народу .	3 »
11. Его-же. «Единое на потребу»	8 »
12. Его-же. «Николай Палкинъ»	3 »
13. Его-же. «Не убий»	5 »

Адресъ книгоиздательства „ОБНОВЛЕНИЕ“:

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Средній просп., № 59, кв. 6.
Н. Е. Фельтену для «Обновленія».